

М.Е. Игнатьев

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ

CATEGORICAL CONCEPTS OF THE CRIME THEORY OF CAUSALITY

Введение: проблемы установления причинно-следственных связей в ходе расследования преступлений всегда представляли для криминалистов особый научно-практический интерес. Основанием к этому являлось то, что данное направление в деятельности по установлению обстоятельств преступного деяния представлялось всегда сложным по причине исключительно ситуационного подхода в использовании криминалистических способов и средств, сопровождающих процесс расследования. Между тем правильно выбранный (на основе соответствующего понятийного аппарата) алгоритм следственного поведения позволяет полноценно решить задачу, определенную назначением уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: в процессе проведенного исследования использованы метод научного анализа и сравнительно-правовой метод, а также данные опросов сотрудников правоохранительных органов.

Результаты исследования: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с криминалистической теорией причинности, в частности, проводятся обоснования и формулируются определения основных категориальных понятий указанной теории.

В соответствии с криминалистической методологией автор организует и проводит исследование проблемы, связанной с формированием языка криминалистики. Он приходит к выводу о том, что язык – это важное средство общей теории, в соответствии с которым полноценно формируются и развиваются все ее основные структурные элементы – техника, тактика и методика. В основе диалектики формирования языка криминалистики лежат категориальные понятия, на основе и в соответствии с которыми формируются соподчиненные понятия, имеющие важное значение для правоприменительной практики, что основано на однообразном употреблении понятий всеми участниками правоохранительной деятельности.

Развивая аргументацию, автор дает обоснование таких категорий криминалистической теории причинности, как криминалистический причинный анализ и криминалистическая структура причинности; определена и собственно криминалистическая причинность.

В соответствии с этими категориальными понятиями сформулированы подобные определения на уровне явлений, что необходимо для практической деятельности в расследовании преступлений, где возникает проблема с определением причинно-следственных связей в устанавливаемом событии преступления.

Научная аргументация в настоящей публикации связана с известными исследованиями проблемы причинности, проведенными как специалистами в области теории права, так и криминалистической науки.

Обсуждение и заключения: представленные в статье результаты исследования проблемы становления понятийного аппарата криминалистической теории причинности связаны с интересом, который в последнее время появился у криминалистов к данной проблематике, что обусловлено необходимостью комплексного изучения вопросов уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической причинности, важных для качественной правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, причинность, причинно-следственные связи, причина, следствие, причинность в криминалистике

Для цитирования: Игнатьев М.Е. Категориальные понятия криминалистической теории причинности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №1, С.93-102. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11115

Introduction: the issue of establishing causal relationships in the course of the investigation has always been of special scientific and practical interest among criminalists. The basis for this was the fact that this was the direction for establishment of circumstances of the criminal act and seemed always difficult because only a situational approach in the use of forensic methods and tools that accompany the process of investigation.

Meanwhile, properly selected, based on the corresponding conceptual apparatus, algorithm for investigation of behavior allow to fully solve the problem, a specific purpose of criminal proceedings.

Materials and Methods: the author used the method of scientific analysis and comparative legal method, surveys of law enforcement officers.

Results: in accordance with forensic methodologies, the author organizes and conducts a study of the problems associated with the formation of the language of criminology. He concludes that language is an important means of the general theory, according to which all of its basic structural elements – techniques, tactics and methods are fully developed. The basis of the dialectic of language formation of criminology are categorical concepts that formed and in accordance with which the subordination of concepts essential to the practice of law based on the uniform use of concepts by all participants in the law enforcement.

Developing the argument in the article the author provides rationalization for the bases for these categories of crime theories of crime causation as causal analysis and forensic structure of causality, defined and actual crime causation.

In accordance with these categorical concepts such a definition at the level of phenomena are formulated, which is necessary for practical activities in the investigation of crimes where the problem arises with the definition of causality in the established event of a crime.

Scientific reasoning in this publication connected with well-known research problem of causality held by experts in the field of theory of law and forensic science.

Discussion and Conclusions: the presented studies of the issues of formation of the conceptual apparatus of the theory of crime causation are associated with the interest that recently came to the criminalists' sphere to this issue, due to the need for a comprehensive study of the issues of criminal law, criminal procedure and forensic causality, which are important for good enforcement.

Key words: forensics, causality, causation, cause, effect, causality in criminology

For citation: Ignatyev M.E. Categorical concepts of the crime theory of causality // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 93-102. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11115

Введение

Исследование основ любой научной теории традиционно начинается с определения ее объекта и предмета. Не являются исключением из этого ряда и криминалистические теории.

Объект криминалистической теории причинности определен, и определен достаточно точно Р.С. Белкиным, который обоснованно понимал под указанным объектом «механизм преступления и содержательную сторону процесса его установления» [1, с.511]. И с этим мы согласны.

Предмет теории – это всегда определенные закономерности, которые соотносятся с объектом, раскрывая его особенное содержание, в первую очередь на основе определенных видов научно-практической деятельности.

В связи с этим предмет криминалистической теории причинности можно определить как систему данных о закономерностях действия механизма преступления, отражающих причинно-следственные связи между его элементами, и систему криминалистических способов и средств, способствующих установлению этих связей посредством правоприменительной деятельности.

Наряду с объектом и предметом, важным элементом содержания основ рассматриваемой теории

является ее понятийный аппарат. Это объясняется тем, что «научное познание как высшая форма отражения субъектом объективной действительности использует для выражения достигнутых результатов системы понятий, определений, образов, знаков и т.п.» [1, с.182].

Достижения криминалистики в современных условиях развития этого юридического знания обуславливаются коллективными усилиями исследователей как для развития науки, так и для правоприменительной деятельности, основанной на данных этой науки. Взаимоотношения участников системы «исследователь – правоприменитель», в первую очередь, связаны их взаимопониманием на основе использования необходимого общего запаса понятий, одинаково отражаемых и используемых и в науке, и на практике. Научно-практический язык, в отличие от естественного, бытового языка, отличается точностью и однозначностью употребляемых понятий.

Подмечено, что по мере развития науки совершенствуется ее язык, его структура и содержание приобретают строго определенный характер, понятия и суждения становятся все более общими и аргументированными, улучшается системная связанность научных высказываний. Понятийный ап-

парат совершенствуется, а это, в свою очередь, позволяет более точно отражать действительность. В связи с этим Г. Клаус подметил: «Такие слова, как «возможно», «в случае», «многие» и т.д., заменяются точными логическими выражениями. Там, где невозможно заменить строго детерминированными терминами такие слова, как «многие», «иногда» и т.д., на место их становятся, по крайней мере, точные определения вероятностного характера; разрабатывается все более обширный технический аппарат, чтобы установить, какие высказывания действительно истинны или действительно ложны» [2, с.81].

Результаты исследования

Исследование проблем языка науки является тенденцией, которая активизирует процесс теоретизации науки и на этом основании не только обеспечивает единство различных способов познания криминалистических объектов, определенные универсальные приемы их изучения, но и в значительной степени систематизирует поступающую информацию, что формирует целостность системы знания.

Как любая другая отрасль научного знания, криминалистика имеет свой язык. Его основным предназначением является функция придания большей точности и однозначности употребляемым специальным терминам. Он оценивается как сложное системно-понятийное и терминологическое образование, с внутренней развивающейся структурой. Это средство и способ реализации криминалистического научного мышления, обусловленного соответствующим объектом и предметом.

Язык криминалистики, понятийно-терминологическая система криминалистики как правовой науки имеют тесные связи с естественным, бытовым языком, посредством которого осуществляется не только толкование, но и всеобщее осмысление учеными и практиками научных и практических положений, выраженных в понятийном аппарате науки. «Увлечение» естественным языком в процессе научно-практического общения по криминалистической тематике неизбежно влечет за собой неопределенность толкований отдельных криминалистических понятий, а это зачастую искажает понимание обоснованных научных положений. Однозначное же толкование введенных криминалистикой понятий установленных в процессе научного исследования явлений, предметов и процессов имеет важное значение для всей познавательной деятельности в науке и практике, в первую очередь для эмпирической проверки этих понятий посредством правоприменительной деятельности. Опрос сотрудников правоохранительных органов свидетельствует, что только 23,6% знают о существовании языка криминалистики, остальные 76,4%

полагают о возможности использования в криминалистической деятельности оборотов обычного языка.

Отношения естественного и формализованного научного языка в развитии правовой науки на протяжении трех последних десятилетий являются предметом спора, который определился двумя позициями: идеей использования естественного (общеупотребительного) языка [3, с.90] и взглядов о возможности сочетания общеупотребительных и специальных юридических терминов (естественного и формализованного языков) [4, с.263-264; 5]. К роли естественного языка в формировании языка науки мы уже обращались выше. Можно только добавить, что все формы собственно научного познания были систематизированными обобщениями привычного опыта практической человеческой деятельности. На этом основании почти все понятия первых научных описаний были тесно связаны с обычными способами отношений в рамках естественного языка, словоупотребления в котором не существуют вне зависимости от «определенных смысловых нагрузок, что «тянет» за собой ассоциативные комплексы, затрудняющие достижение целей исследования» [6, с.28].

Проводя в связи с этим аналогию с процессами становления языка криминалистики, можно с уверенностью сказать, что в его основе лежал не только естественный язык, но были часто употребимы устоявшиеся формализованные понятия естественных и технических наук. Поэтому очевидно – язык криминалистики представлял и представляет собой разумное сочетание естественного и формализованного языка.

В соответствии с приведенными аргументами аксиомой для нас является то, что язык науки вообще и криминалистики в частности формируется на основе двух стадий – «научного жаргона» [7, с. 47] (естественного языка – М.И.) и формализации.

Первая стадия связана с уточнением определенных, которые обозначают специфичные понятия для данной области научного знания, раскрывают категории науки. На этой стадии разрабатывается и популяризируется специфическая терминология криминалистов данного профиля, употребляемая ими однозначно. Однако научно-технический прогресс обуславливает возрастающие потребности повышения эффективности передачи научной информации, что постоянно актуализирует необходимость совершенствования известных, устоявшихся понятий и разработки новых криминалистических понятий. «Научный жаргон» в понятиях становится все более точным, он формализуется. Язык науки детализируется, его понятия формируются на основе заранее определенных и устоявшихся пра-

вил. Вместе с тем не следует полагать, что стадии развития языка науки вообще и языка криминалистики в частности протекают в строгой последовательности. С момента возникновения научного знания они могут протекать параллельно и быть связанными с разработкой отдельных понятий.

Общие процессы формирования языка науки соответствуют и формированию языка криминалистики, который представляет собой «систему общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами)» [1, с.183]. Под понятием «логика» понимают целостную совокупность суждений о каком-либо объекте. Определение понятия раскрывает его содержание посредством указания на существенные признаки объектов, объединенных данным понятием. Однако, как отмечают специалисты в области системных исследований, «каждое научное понятие существует в языке науки не изолированно, само по себе, а лишь в системе связанных с ним понятий, относящихся к одному и тому же предмету изучения, и лишь в этой системе оно приобретает свой смысл и значение» [8, с.31]. Данный тезис актуален для криминалистики, чья система понятия – важнейшая часть ее языка, который не так давно вступил в стадию активной формализации.

Логическая категория, именуемая понятием, является «элементарной частицей» познания, поэтому познание как отражение субъектом объективной реальности в конечном итоге есть процесс формирования понятий. Венгерский логик Б. Фогараши так определяет этот инструмент познания: «Понятие есть высший продукт человеческого мозга, высший продукт материи, основная форма мышления, выражающаяся в звуковом языке; оно путем обобщения выделяет общие элементы объективного внешнего мира, предметов и существующих между ними связей, резюмирует их и таким образом отражает в мыслях определенные части и связи объективной действительности» [9, с.150]. В соответствии со своим гносеологическим статусом понятие есть ядро познавательной деятельности. Реальным познавательным средством являются чувства субъекта познания, связанные с его мыслью, то есть с понятием. Формирование понятия «многокомпонентный процесс», связанный с мыслительной и практической деятельностью субъекта познания. Однако для того чтобы понятие активно участвовало в познавательной деятельности, оно должно быть правильно и точно определено. На определения, как на существенные основания, опираются все субъекты расследования преступлений, так как они определяют и дисциплинируют обособленное криминалистическое мышление. Достоинство определенных криминалистических поня-

тий заключается в том, что «они являются наиболее адекватными природе познавательного процесса средствами оптимальной концентрации знания в форме единой мысли, ибо в них подытоживается главное» [10, с.76].

В любой отрасли знания важное значение имеют категориальные понятия, то есть наиболее общие и значимые для науки и практики. Криминалистика не исключение, несмотря на то, что ее научные данные в первую очередь направлены в сферу правоприменительной практики. Криминалистические категории есть первая составляющая диалектической цепи «общее – особенное – единичное», а также основа соответствующих криминалистических классификаций.

Причинность, как уже многократно отмечалось, представляет собой одну из форм всеобщей взаимосвязи явлений объективного мира. В основе причинности лежат причинно-следственные связи. Предмет криминалистики и принятая криминалистическая методология, отражая основные понятия философской категории причинности, воспринимая их, трансформируют для соответствующих криминалистических исследований и целей правоприменительной практики.

В связи с этим анализ криминалистических данных позволяет свидетельствовать, что в криминалистике причинность, с учетом и в соответствии с философскими категориями и понятиями, может быть исследована на метауровнях: технико-криминалистическом (технический уровень) и методико-криминалистическом (методический уровень).

Первый, технико-криминалистический, уровень содержательно включает данные анализа элементарных предметных отражений и таких же элементарных отрезков и цепей причинения, а методико-криминалистический уровень – анализ типовых механизмов событий и преступной деятельности в целом. Отметим, что в процессе научно-практической разработки частных криминалистических методик расследования преступлений оба уровня содержательно реализуются, как самостоятельно, так и на основе взаимодействия между собой относительно тех особенностей, которые обусловлены предметом преступного посягательства, следовой картиной, данными наступивших вредных последствий и прочими обстоятельствами, отражаемыми в той или иной частной интегративной методике.

Причинная связь, устанавливаемая на основе использования в практике расследования преступлений криминалистических способов и средств, представляет собой интегральный системообразующий элемент общей системы доказательств по уголовному делу («главный факт» – М.И.).

Рассматриваемый вид связи не возникает сам по себе – в его основе лежит действие субъекта, а точнее, его процессуальная характеристика – деятельность, которая может быть определена как основной способ взаимодействия субъекта с явлениями, предметами и процессами окружающего мира. Это субъектная активность, обусловленная преобразованием мира, где начальный и конечный этапы связаны смысловой и волевой активностью в решении определенных задач на основе «реализации систем субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений» [11].

Криминалистика всегда изучала и будет изучать прежде всего два вида человеческой деятельности: криминальную деятельность (уголовно-релевантную деятельность) и деятельность по предварительному расследованию преступления, его судебному рассмотрению и предупреждению посредством данных о преступлении отраженных в уголовном деле¹.

Криминальная деятельность носит системный характер и является динамичной, так как в процессе реализации поэтапно меняет свое состояние и переходит из одного состояния в другое. Для того чтобы понимать, как криминальная деятельность, являясь причиной, порождает следствия, следует иметь представление о том, какова структура этой деятельности, ее состав.

В нашем представлении такой структурой может быть система следующих элементов: субъект деятельности, объект деятельности и их взаимосвязи, представленные различными отношениями («взаимоотношениями») и действиями («взаимодействиями»), которые в разные пространственно-временные периоды предшествуют друг другу, сменяют друг друга или сосуществуют в сочетании друг с другом.

Однако данная система, отражая «базовый» уровень деятельности, опускает такое важное понятие (элемент системы), как *средство* деятельности. Кроме того, процессы деятельности следует разделять на действия субъективные, то есть внутренние, психические и действия объективные, то есть внешние, физические, что позволяет понимать деятельность в аспекте уголовно-правовой теории состава преступления².

В субъективной части деятельности выделяется главное – «цель» и «мотив» (отдаленная, последующая цель). Цель мы понимаем как идеально-потенциальный образ результата, соединение

идеального представления о том, что должно быть достигнуто, и «интеграции» (желания, стремления) субъекта к этому представленному, будущему результату.

В объективной части различают действия (акты поведения) и составляющие их операции с объектом (объектами) при помощи тех или иных методов и средств. Сочетание определенных операций и используемых средств представляет собой способ действия (образ действий).

При структурном анализе объекта деятельности состояние объекта после деятельности (результат, продукт деятельности) отделяется от состояния объекта до начала деятельности. Результат деятельности предстает как изменение объекта, связанное с деятельностью как причинно-следственная связь. Однако следует учитывать, что результат деятельности – это не только «продукт» деятельности, то есть преобразованное, измененное явление, предмет или процесс, но и те изменения, которые произошли в субъекте деятельности, а также в окружающей обстановке, то есть вне системы деятельности, а это особенно важно для криминалистов.

И наконец, деятельность, как всякая динамическая система, обязательно имеет пространственно-временные параметры и связи между подсистемами и элементами, что обычно учитывается путем указания на «время» и «место» деятельности.

Нами столь детально рассмотрена теория структуры криминальной деятельности потому, что именно она, являясь причиной и порождая следствия, должна быть всегда детально исследована в процессе расследования преступления, с тем чтобы было возможно установить (опровергнуть) в действии (бездействии) наличие криминалистической причинности – понятия, которое можно определить на уровне сущности, то есть категориально, и явления для прикладных криминалистических целей.

Криминалистическая причинность есть генетическая связь элементов содержательной стороны преступной деятельности, установленная на техническом и методическом уровне посредством использования криминалистических способов и средств субъектом правоприменения.

Расширение существенных признаков данного категориального определения позволяет на основе приведенных выше аргументов сформулировать понятие криминалистической причинности

¹ Криминалистика также изучает деятельность по обнаружению (выявлению) преступлений и криминалистическую профилактическую деятельность как компонент общей профилактики преступлений, изучаемых криминологией. Во всех случаях речь идет о криминалистических аспектах той или иной деятельности.

² Здесь и далее мы рассматриваем структуру криминальной деятельности одного субъекта, без соучастников – организаторов, пособников и пр.

на уровне явления как инструмента для правоприменителя, использование которого в практике расследования преступления позволит решать конкретную задачу установления причинно-следственных связей. Криминалистическая причинность в связи с этим представляется нам также генетической связью элементов содержательной стороны преступления, которая устанавливается законной деятельностью правоприменителя посредством анализа элементарных предметных отражений и отрезков (цепей) причинной связи, типовых механизмов событий и поведения участников преступного деяния на основе использования данных (рекомендаций, приемов, способов, средств и пр.), разработанных криминалистикой. В данном определении конкретизированы и уточнены такие общие признаки категориального определения, как «технический и методический уровень», а также соответствующий криминалистический «инструментарий».

Определения криминалистической причинности предполагают необходимость анализа элементов преступной деятельности со стороны субъекта правоприменительной деятельности. Причинный анализ – один из основных способов выявления «причинно-следственных связей, действие которого основано на выявлении путем совокупности методологических и методических подходов к изучению обусловленности одних явлений действительности (следствия) другими (причинами)» [1, с.509]. Целью причинного анализа можно считать «прогнозирование следствия из причины на основе предварительного эмпирического анализа взаимоотношений между ними» [12, с.249; 13]. Однако это характеристики причинного анализа с позиции научного общетеоретического подхода. Возникает вопрос о возможности определения понятия «криминалистического причинного анализа».

Обзор литературы

Изучение специальной литературы свидетельствует о том, что не многие авторы уделяли внимание исследуемой нами проблеме. Среди них можно назвать имена В.А. Образцова [14], В.Я. Колдина [15], А.Я. Гинзбурга [16]. И.М. Комарова [17, с.14]. Однако их исследования затрагивали только отдельные аспекты проблемы, так как были посвящены понятию криминалистического анализа.

Советский криминалист А.Я. Гинзбург дал определение этого теоретического понятия, усмотрев в нем «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет (механизм преступления, процессы возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств)

мысленно расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения), каждый из которых затем исследуется в отдельности как часть расчлененного целого, для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединились с помощью синтеза в целое, обогащенное новыми знаниями» [16, с.63]. По сути, близки этой позиции и взгляды И.М. Комарова.

Как интегративный метод определяет криминалистический анализ и В.А. Образцов, отмечая, что в его основе лежит «мысленное расчленение преступления на составляющие, раздельное исследование каждого выделенного элемента, а затем рассмотрение их в комплексе и взаимосвязи применительно к структуре содеянного и механизму следообразования» [14, с.81].

Особой позиции придерживается В.Я. Колдин. Он дает следующее определение криминалистического анализа: это криминалистическое исследование, направленное на обнаружение источников и декодирование релевантной (адекватной – М.И.) информации, обеспечивающей решение криминалистических, процессуальных и материально-правовых задач [15, с.193].

Не трудно заметить разницу между этими определениями: приведенные выше в большей степени отражают прикладные аспекты деятельности по расследованию преступления, определение же В.Я. Колдина носит категориальный характер криминалистической терминологии.

Вместе с тем аналитическая проработка этих определений понятия «криминалистический анализ» в полной мере может способствовать обоснованию понятия «криминалистический причинный анализ», как на уровне сущности (т.е. категориальном), так и прикладном, то есть явления, которое наиболее удобно для правоприменителя.

Научная и практическая криминалистическая деятельность, связанная с расследованием преступления, в первую очередь основана на мыслительной деятельности ученого-криминалиста или следователя (следователя). Именно она является источником инициации всех действий по решению той или иной криминалистической задачи. Любая мыслительная деятельность не протекает хаотично, а подчинена определенной логике, имеет структуру, основывается на устоявшихся в соответствующей отрасли научного знания понятиях и научно-практических классификациях. Это же в равной степени относится и к деятельности криминалистической. Фактически приведенный тезис отражает сложившуюся методологию мышления, криминалистическую методологию в нашем случае. «Первичным» объектом, точнее сказать его частью, в криминалистике является

преступная деятельность¹, она всегда изучается первоначально, чтобы в дальнейшем можно было выстроить определенную законную криминалистическую деятельность по противодействию преступлению, его выявлению и расследованию. Наиболее детально в связи с этим изучается механизм преступления как условный криминалистический синоним уголовно-правового понятия – объективная сторона преступления и уголовно-процессуального понятия – обстановка совершения преступления. Важным фактором в процессе установления механизма преступления является определение структуры системы его элементов «деятельности субъекта преступного события – совокупности действий, поступков и иных движений жертвы преступления – комплекса действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием – отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события; предмета преступного посягательства» [18, с.39-40], посредством сформировавшихся видов причинно-следственных связей [19].

В соответствии с приведенной аргументацией криминалистический причинный анализ категориально можно определить в качестве мыслительной деятельности, обусловленной криминалистической методологией и направленной на комплексное исследование преступного деяния в целях установления видов причинно-следственных связей в системе элементов механизма преступления для формирования структуры указанной системы как решение важной криминалистической задачи расследования.

Криминалистический причинный анализ, кроме научного предназначения, имеет еще и чисто практическое назначение, так как является инструментом следователя для решения криминалистических задач в процессе расследования преступлений. Цель его использования в следственной практике – установление причинной связи на техническом (анализ элементарных предметных отражений и отрезков причинной связи) и методическом (анализ типовых механизмов событий и преступной деятельности в целом) уровне.

На этом основании, конкретизируя существенные признаки, вытекающие из категориального определения криминалистического причинного анализа, на уровне явления его можно определить как интегральный метод расследования преступления, предназначенный для его мысленного расчленения на криминалистически значимые

элементы (способ совершения преступления, следы-последствия преступления, орудия совершения преступления и пр.) с их последующим изучением посредством выдвижения и проверки следственной версии для распознавания структурных причинных связей системы указанных элементов и формирования на их основе целостного представления о механизме преступного деяния.

Выше мы неоднократно обращались к понятию структуры системы элементов механизма преступления, подразумевая под структурой причинно-следственные связи. На основании того, что это понятие (структура причинности) сопровождает весь процесс реализации действий по совершению преступления, от его начала до достижения лицом преступного результата, а затем в процессе расследования преступления она (структура причинности) «воссоздается» (от следствия к причине, в процессе проверки следственной версии) криминалистическими способами и средствами с использованием процессуальных форм, можно предположить ее категориальное криминалистическое значение.

Особенностью действия причины, важной для судебного исследования, является ее связь с отображаемым, то есть передачей информации, что обеспечивается переносом материальной, энергетической и информационной структуры (сигнала) от причины к следствию. Результатом является то, что информационная структура причины изоморфно отражается в структуре следствия, обеспечивая тем самым проверяемость данного обстоятельства на основе изучения обратной связи (преимущественно посредством проверки следственной, экспертной, судебной версии).

Обосновывая данное положение, О.А. Крестовников справедливо отмечает: «Изоморфизм отображения структуры причины в структуре следствия представляет научную основу установления причинных связей в процессе судебного исследования, осуществляемого по следам событий, являющихся предметом доказывания» [20, с.556 - 557].

Мы уже неоднократно характеризовали причинную связь как элемент всеобщей универсальной связи явлений объективной действительности и важность ее «чистого» восприятия вне границ всеобщей связи для точного отображения данных причинности в механизме преступления расследуемого события. В связи с этим важно определить правила, использование которых в практике расследования позволит решить указанную задачу.

¹ Под преступной деятельностью подразумевается совокупность взаимосвязанных последовательных, осмысленных действий и движений лица (лиц), сопряженных с использованием в противоправных целях соответствующих орудий и средств, направленных на реализацию нередко низменных, извращенных потребностей.

Уголовное расследование всегда связано с противоправным деянием, и для его объективного установления, то есть выделения адекватных в правовом отношении связей, посредством использования криминалистических способов и средств требуется построение и проверка следственной версии. Только это криминалистическое средство позволяет решить задачу установления по следствиям исследуемое явление, предмет или процесс. Возможно однозначное объяснение явления (предмета, процесса), когда следователь непосредственно наблюдает порождение следствием причины. Однако практика расследования преступлений сталкивает следователя со множественностью причин, которые с большой долей вероятности могут порождать одно явление, предмет или процесс, как следствие. Это обстоятельство подтверждается опросами сотрудников правоохранительных органов, среди которых 68,9% заявили, что наблюдали однозначное объяснение порождения следствием причины, 30,2% пояснили наблюдение множества причин, исследование которых приводило к установлению одной причины (0,9% затруднились с ответом). Здесь работает обратная связь: чем меньше информации о явлении (предмете, процессе), тем больше следственных версий требуется для его объяснения. Однако в статье мы не ставим цели детально рассмотреть вопрос о следственной версии как криминалистическом средстве установления причинно-следственных связей в расследуемом событии, а только отмечаем важность версии для установления криминалистической структуры причинности, установлении динамики причинения (цепи причинности).

Здесь же отметим необходимость учета ситуационности действия и развития причинной связи, что является условием, порождающим явление множественности следствий.

Обсуждение и заключение

В соответствии с приведенными основаниями можно сформулировать правила, усмотрение которых позволяет посредством расследования исследовать причинную связь согласно тезису «структура причины воспроизводится в структуре следствия в изоморфном отображении». По значимости мы предполагаем выполнение следующих этапов: 1. Выделить в оценке события связи, имеющие уголовно-правовое значение. 2. Установить динамику причинения (взаимодействия причины и следствия во времени и пространстве) и условия, повлиявшие на эту динамику.

Уголовно-правовое значение причинно-следственных связей является доминантой всего процесса доказывания, так как они в значительной степени способствуют правильной классифика-

ции содеянного, что является одной из главных целей доказывания, установления «главного факта». Эти связи и их динамика должны быть закреплены процессуальными формами в соответствии с положениями уголовно-процессуальной причинности и отражены в содержании процессуальных следственных действий причинно-следственной связью элементов механизма преступления, то есть криминалистической структурой причинности.

Криминалистическую структуру причинности с учетом изложенных доводов мы можем определить как совокупность связей элементов механизма преступления (причина), подобно отраженную посредством его расследования (следствие).

Это категориальное понятие позволяет рассматривать преступление, его механизм как причину в широком смысле этого слова, а данные расследования, установленные в материалах уголовного дела посредством использования криминалистических способов и средств, как следствие причины, также в широком смысле этого слова.

Расширив содержание этого понятия на основе детализации существенных признаков, можно определить криминалистическую структуру причинности в прикладном аспекте. На наш взгляд, ее можно представить как совокупность связей элементов механизма преступления, которая имеет подобное отражение посредством расследования с использованием криминалистических способов и средств в уголовном деле.

Криминалистическая структура причинности – это совокупность связей, которые определяют систему деятельности субъекта преступного события, действий и поступков жертвы преступления, а также иных лиц, косвенно связанных с преступным событием, отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события и предмета преступного посягательства, релевантно отраженных расследованием преступного события в процессуальных формах на основе проверки следственных версий посредством использования криминалистических способов и средств.

Таким образом, нами выделены и обоснованы категориальные понятия криминалистической теории причинности – криминалистическая причинность, криминалистический причинный анализ и криминалистическая структура причинности, которые могут быть использованы для научных криминалистических исследований. В соответствии с диалектической цепью «общее – особенное – единичное» сформулированы и их прикладные («особенные») понятия для правоприменителей, которые могут найти свою реализацию, например, в практике расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., дополненное. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
2. Клаус Г. Сила слова (гносеологический и прагматический анализ языка). М., 1967.
3. Прянишников Е.А. Терминология уголовно-процессуального законодательства // Правоведение. 1968. №6.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997.
5. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
6. Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
7. Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972.
8. Блауберг В.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Н. Системный подход: предпосылки, трудности, проблемы. М., 1969.
9. Фогараша Б. Логика. М., 1959.
10. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
11. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М., 1984.
12. Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 249.
13. Диалектика познания. М., 1988.
14. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997.
15. Колдин В.Я. Криминалистический анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
16. Криминалистическая энциклопедия /отв. ред. А.Я. Гинзбург. Алматы, 1995.
17. Комаров И.М. Проблемы повышения эффективности розыскной деятельности по делам об уклонении от несения обязанностей военной службы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1995.
18. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2002.
19. Философия, основные идеи и принципы. М., 1985.
20. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник для вузов / под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007.

REFERENCES

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov. 3-e izd., dopolnennoe. M.: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001.
2. Klaus G. Sila slova (gnoseologicheskij i pragmaticheskij analiz yazyka). M., 1967.
3. Pryanishnikov E.A. Terminologiya ugovovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Pravovedenie. 1968. №6.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. T. 1. M., 1997.
5. Pigolkin A.S. Podgotovka proektov normativnyh aktov. M., 1968.
6. Gusev S.S. Nauka i metafora. L., 1984.
7. SHtoff V.A. Vvedenie v metodologiyu nauchnogo poznaniya. L., 1972.
8. Blauberger V.V., Sadovskij V.N., YUdin E.H.N. Sistemnyj podhod: predposylki, trudnosti, problemy. M., 1969.
9. Fogarashi B. Logika. M., 1959.
10. Kondaurov V.I. Process formirovaniya nauchnogo znaniya (ontologicheskij, gnoseologicheskij i logicheskij aspekty): monografiya. M.: INFRA-M, 2014.
11. Nikolov L. Struktury chelovecheskoj deyatel'nosti. M., 1984.
12. Kratkij slovar' po sociologii. M., 1988. S. 249.
13. Dialektika poznaniya. M., 1988.
14. Obrazcova V.A. Vyyavlenie i izoblichenie prestupnika. M.: YUrist», 1997.
15. Koldin V.YA. Kriminalisticheskij analiz: monografiya. M.: YUrlitinform, 2016.
16. Kriminalisticheskaya ehnciklopediya /otv. red. A.YA. Ginzburg. Almaty, 1995.
17. Komarov I.M. Problemy povysheniya ehffektivnosti rozysknoj deyatel'nosti po delam ob ukloenii ot neseniya obyazannostej voennoj sluzhby: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Almaty, 1995.
18. Kustov A.M. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya: cikl lekcij. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2002.
19. Filosofiya, osnovnye idei i principy. M., 1985.
20. Kriminalistika: informacionnye tekhnologii dokazyvaniya: uchebnik dlya vuzov / pod red. V.YA. Koldina. M.: Zercalo-M, 2007.

Об авторе: Игнатъев Михаил Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

© Игнатъев М.Е., 2018

Статья получена: 30.01.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.

Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the author: Ignatyev Mikhail E., Candidate of Legal Sciences (research doctorate), Docent of Department of Criminalistics at the Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Земельное право: практикум / сост. Л.К. Фазлиева. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-906977-12-0

Практикум содержит материалы для проведения семинарских и практических занятий по земельному праву. Основная цель практикума – помочь курсантам систематизировать, конкретизировать и применить на практике полученные во время аудиторных занятий знания.

Практикум снабжен тестовыми заданиями по рассматриваемой теме, задачами, а также ситуационными задачами по отдельным темам, фабулы которых имеют в своей основе рассмотренные судебные и судебно-арбитражные дела, что позволяет добиться приобщения курсантов к практической деятельности. К каждой теме предлагаются вопросы, перечень нормативных актов, основной и дополнительной литературы, необходимых для изучения и освоения курса.

Предназначен для курсантов и преподавателей образовательных организаций системы МВД России.